

ужь много часовъ сидѣла такъ, погруженная въ глубокія, полусознательныя грезы. Она мечтала о чудной ночи, с двойномъ счастьи—одно только убило-бы, быть можетъ, ее, но они такъ связаны были другъ съ другомъ, и одно помогало ей вынести другое.

Во всѣхъ этихъ мысляхъ, не было ни угрызеній совѣсти, ни раскаянія, ни ужаса: она не видѣла въ своемъ поступкѣ ни преступленія, ни чувственности, ни слабости: это былъ неизбѣжный, вѣшній исходъ, къ которому толкала Сусанну судьба и изъ котораго она вышла съ блестящимъ триумфомъ. Ея блаженство давало миръ ея душѣ. Свѣтъ осудилъ-бы, быть можетъ, въ своей строгости ея поступокъ съ обычной жестокостью, но тайна спасала ее отъ несправедливыхъ упрсковъ. Она рѣшила еще нѣсколько дней оставаться по-прежнему безгласной—въ это время она подготовить какую-нибудь уловку: притворное сильное возбужденіе или новую операцию. Ей придется играть комедію или драму; но во всякомъ случаѣ эту роль создать и сыграть будетъ не трудно—обмануть надо одного только генерала, а онъ добрый и довѣрчивый человѣкъ, котораго, несомнѣнно, ослѣпить радость въ такомъ случаѣ.

Голоса въ прихожей вспугнули ее и вывели изъ размышеній.

Сусанна быстро отбросила ногой остатки бала въ уголъ, задула свѣчу, приняла беззаботную позу и граціозно приложила